

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-186-192

ПЫРЧЕНКОВА Галина Степановна,
доцент кафедры иностранных языков
Академии управления МВД России,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: galapyrchenkova@mail.ru

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ДЕ-РАДИКАЛИЗАЦИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ ТЮРЬМАХ

Аннотация. Автор исследует радикализацию заключенных в зарубежных тюрьмах как процесс (или процессы), в результате которого отдельные лица или группы начинают одобрять и (в конечном итоге) участвовать в использовании насилия в идеологических, политических или религиозных целях. Анализируются внешние и внутренние факторы, способствующие радикализации заключенных. Рассматриваются эффективные зарубежные программы коллективной и индивидуальной де-радикализации заключенных, направленные на сокращение числа активных террористов в данном обществе путем оказания помощи отдельным заключенным-террористам или группам заключенных-террористов и облегчения их реинтеграции в основное общество. Автор приходит к выводу о необходимости создания долгосрочных стратегий для обеспечения постоянного решения проблем, создаваемых экстремизмом и исламизмом в тюрьмах.

Ключевые слова: пенитенциарная система, радикализация, де-радикализация, заключенные-террористы, внешние и внутренние факторы тюремной радикализации, программы коллективной и индивидуальной де-радикализации заключенных.

PYRCHENKOVA Galina Stepanovna,
Associate Professor of the Foreign Languages
Department of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

RADICALIZATION AND DE-RADICALIZATION OF PRISONERS IN FOREIGN PRISONS

Annotation. The author examine the radicalization of prisoners in foreign prisons as a process (or processes) through which individuals or groups come to endorse and (ultimately) participate in the use of violence for ideological, political, or religious purposes. They analyze the external and internal factors that contribute to prisoner radicalization. They examine effective international collective and individual prisoner deradicalization programs aimed at reducing the number of active terrorists in a given society by assisting individual terrorist prisoners or groups of terrorist prisoners and facilitating their reintegration into mainstream society. The author conclude that long-term strategies are needed to ensure permanent solutions to the problems posed by extremism and islamism in prisons.

Key words: penitentiary system, radicalization, de-radicalization, terrorist prisoners, external and internal factors of prison radicalization, programs for collective and individual de-radicalization of prisoners.

Большинство существующих определений описывают радикализацию как процесс (или процессы), в результате которого отдельные лица или группы начинают одобрять и (в конечном итоге) участвовать в использовании насилия в идеологических, политических или религиозных целях [1]. В последние годы в экспертном сообществе отмечается рост

радикализации и агрессивного поведения заключенных. Так, например, в испанских тюрьмах количество серьезных или очень серьезных нападений с 2006 по 2010 год составило 725, а с 2011 по 2016 год увеличение нападений составило 2208. Это происходит, как правило, с заключёнными, принадлежащими к вооружённым или преступным группировкам, латиноамериканским бандам,

джихадистским террористическим организациям или заключённым, осуждённым за насильственные преступления [2]. Эта категория заключённых-террористов оказывает ключевое влияние на радикализацию остального тюремного населения. В целях данной статьи термин «террорист» используется для обозначения всех лиц, которым были предъявлены обвинения или которые были осуждены за преступления, запрещённые анти-террористическим законодательством их стран.

Террористы – это не обычные преступники. В тюремном контексте большинство трудностей в борьбе с террористами вызваны именно тем, что эти заключённые не считают себя преступниками, поскольку они убеждены, что были заключены в тюрьму за свои убеждения, а не за свои действия, и что процесс, приведший к их заключению, является нелегитимным. Поэтому многие заключённые-террористы часто используют время, проведенное в тюрьме, для мобилизации внешней поддержки, радикализации других заключённых и – при наличии возможности – пытаются воссоздать оперативные командные структуры.

Американский криминолог Харви Кушнер, например, утверждает, что западные тюрьмы являются одним из главных мест вербовки для «Аль-Каиды» [3]. Так же считает и Иан Катбертсон, который уверен, что «Аль-Каида» в полной мере воспользовалась преимуществами западных тюрем и их относительно мягкой политикой [4, с. 16]. Американский политический доклад, опубликованный в 2006 году, основанный на мнениях и выводах группы из 15 экспертов, пришел к аналогичным заключениям, заявив, что радикализация заключённых представляет собой угрозу неизвестного масштаба для безопасности Соединённых Штатов [5]. Многочисленные случаи радикализации обычных заключённых в тюрьмах Великобритании под влиянием заключённых-террористов также описаны в исследовании Джеймса Брендона [6].

Нет четких правил относительно того, следует ли концентрировать заключённых-террористов вместе и/или отделять их от остального тюремного населения. В целом, что касается размещения и условий содержания заключённых-террористов, следует отметить, что многие зарубежные тюремные службы считают приоритетом требования безопасности, а не более инновационные подходы для облегчения возвращения заключённых в основное общество. Большинство стран практикуют политику рассредоточения и (частичной) концентрации, которая распределяет террористов по небольшому числу тюрем строгого режима.

Концентрация, разделение и изоляция могут быть эффективными способами пресечения

попыток радикализации и вербовки общего тюремного населения заключёнными-террористами. Среди стран, полностью внедривших принцип концентрации – скорее всего, из-за небольшого числа заключённых – Нидерланды, где все заключённые-террористы содержатся в «террористическом отделении» тюрьмы строгого режима в Вугте.

В федеральной тюремной системе США почти все террористы содержатся всего в трех тюрьмах, однако – в отличие от Нидерландов – в этих тюрьмах нет специального «террористического отделения». Поэтому можно утверждать, что правительство США выбрало сочетание рассредоточения и концентрации, что позволило властям создать группы заключённых-террористов в небольшом количестве (в основном, в тюрьмах строгого режима) [7, с. 18].

Эта политика – рассредоточение и (частичная) концентрация – еще более выражена в Великобритании, Франции и Испании, которые практикуют политику рассредоточения, что означает, что большинство террористов после осуждения рассредоточиваются по тюрьмам строгого режима своих стран [7, с. 18].

Испанский подход особенно интересен. В то время как 75 обвиняемых или осуждённых террористов с исламистским прошлым сосредоточены в небольшом количестве тюрем строгого режима, баскские сепаратисты, большинство из которых принадлежат к группе ЭТА, рассредоточены по всей стране. Причины заключаются в том, что баскская группа ЭТА – это жестко структурированная организация, которая, если ей будет позволено концентрировать своих заключённых, попытается воссоздать свои оперативные командные структуры, создающие тюремным властям консолидированную оппозицию [7, с. 18].

Однако даже самые ограничительные режимы не обеспечивают полной безопасности. Например, даже в условиях строгой системы тюремной безопасности в Великобритании, один из самых влиятельных в мире идеологов радикального исламизма Абу Катада, находясь в заключении выпустил в британском издательстве Белмарш откровенно пропагандистскую 118-страничную книгу [6, с. 99-100], а другой заключённый сторонник «Аль-Каиды» использовал мобильный телефон для управления созданием экстремистского веб-сайта [7, с. 25].

Тюрьмы – это крайне нестабильная среда, в которой заключённые, лишённые существующих социальных связей и ранее не причастные к идеологически или религиозно мотивированному насилию, уязвимы для радикализации и вербовки в террористические организации. Именно тюрьмы являются «местами уязвимости», где люди испы-

тывают социальную изоляцию или личные кризисы, которые, как широко считается, повышают восприимчивость человека к экстремистским посланиям и/или подходам и последующей радикализации [8].

Радикализация в тюрьме принимает множество форм и может исходить как извне, так и изнутри тюремной среды. Среди внешних факторов радикализации – экстремистские книги, видео или веб-сайты, которые могут отправляться в тюрьму или стать доступными для заключенных [6, с. 16]. Внешние «каналы» радикализации могут также включать в себя посетителей извне, распространяющих экстремистские идеи.

Все страны заявляют о наличии строгой политики в отношении общения заключенных с внешним миром: почтовые отправления предположительно проверяются; телефонные звонки и использование интернета должны быть ограничены.

Внутренние источники радикализации включают влияние заключенных-террористов, которые – если они не полностью изолированы от общего тюремного населения – могут способствовать формированию экстремистских установок у обычных заключенных, убедив их в правомерности и привлекательности своих религиозных убеждений и идеологии. Типичным поведением является попытка осужденных террористов занять руководящие должности среди более широкого тюремного населения, например, возглавляя пятничные молитвы или беря на себя инициативу в переговорах о компромиссах от имени отдельных заключенных.

Среди других факторов, способствующих радикализации заключенных, Джеймс Брендон выделяет факторы «притяжения» и «отталкивания». Факторы «притяжения» объясняют, как заключенные-террористы активно стремятся вербовать или «притягивать» других заключенных в ряды своих сторонников путем стимулирования принятия экстремистских идеологических, политических или радикальных религиозных убеждений – будь то предложение физической защиты, духовной или социальной поддержки и др.

Факторы «отталкивания» заключенных от основного общества и приближения их к экстремистским личностям и группам могут включать расистское насилие, жестокое обращение, дискриминацию или социальную изоляцию, которые заставляют мусульман или уязвимых людей чувствовать себя исключенными из основного общества [6, с. 25]. Задача тюремных властей должна быть направлена на мониторинг деятельности заключенных-террористов; контроль внешних влияний; смягчение конфликтов между этническими, расовыми и религиозными группами; смягчение условий тюремного содержания и др.

В борьбе с радикализацией тюремные службы сталкиваются с двумя проблемами: предотвращением радикализации и выявлением радикализации там, где она уже произошла. Обеспечение безопасности и порядка в тюрьмах имеет решающее значение для решения обеих проблем.

Перенаселенность и нехватка персонала усугубляют условия, способствующие радикализации. Это подтверждает разительный контраст между хорошо обеспеченными ресурсами и укомплектованной тюремной системой Нидерландов, где властям нередко удается предотвратить распространение радикализации на ранней стадии, и системами в Афганистане, на Филиппинах и в Пакистане. В этих трех странах тюрьмы не только испытывают нехватку персонала и переполненность, но и отсутствие механизмов мониторинга заключенных-террористов, которые – за возможным исключением Филиппин – могут свободно общаться с «обычными» заключенными. Взяточничество и коррупция распространены, а это значит, что воинствующие группировки часто могут рассчитывать на соучастие сотрудников тюрем при вербовке и радикализации заключенных.

Наиболее ярким примером того, как плохие тюремные условия приводят к радикализации заключенных может служить пенитенциарная система Пакистана, где несовершеннолетние часто содержатся вместе с закоренелыми преступниками и заключенными-террористами, связанными с «Аль-Каидой» или «Талибаном». Как отмечает, П.Р. Ньюман, наряду с заключенными из Гуантанамо, недавно возвращенными в Пакистан, боевики всех мастей теперь составляют самую быстрорастущую часть пакистанского тюремного населения, что усугубляет переполненность тюрем и подвергает «обычных» заключенных воздействию все большего числа закаленных в боях «джихадистов» [7, с. 30].

Особенное внимание стоит уделять тому, что тюрьмы создают идеальные условия для процветания радикальных идеологий, имеющих религиозную подоплеку. Эффективная политика противодействия радикализации – как внутри, так и за пределами тюрьмы – всегда должна различать законное выражение веры и радикальные религиозные убеждения, способствующие переходу к насильственному экстремизму.

Одним из наиболее интересных событий является всплеск интереса к институту тюремного имама. Это особенно важно для стран, в которых заключенные-мусульмане в тюрьмах представлены в непропорционально большей доле по сравнению с общей численностью населения страны, как, например, в США, Испании, Нидерландах, Великобритании и Франции. Лишь

недавно тюремные службы этих стран начали рассматривать институт тюремного имама как инструмент противодействия радикализации, осознавая, что тюремные имамы могут помочь минимизировать влияние заключенных-террористов, использующих религиозные мотивы для укрепления своего авторитета и вербовки последователей. Для обеспечения эффективного предоставления всех этих услуг Франция, Нидерланды, Великобритания и – в некоторой степени – США начали институционализировать и профессионализировать эту должность, а также формализовать процессы назначения тюремных имамов, от которых ожидается не только компетентность в проведении религиозных служб и духовной помощи, но и роль консультантов, социальных работников, экспертов по радикализации и экстремизму, а также – в более общем смысле – роль посредников между тюремными властями и мусульманскими заключенными по самым разным повседневным вопросам. Во Франции и Нидерландах существуют финансируемые государством исламские тюремные капелланства, а в Великобритании создана должность советника по делам мусульман. В США федеральная тюремная служба наладила более тесные связи с рядом религиозных организаций.

Однако, как отмечают некоторые зарубежные исследователи, роль и влияние имамов рискуют быть переоценены, так как нереалистично ожидать, что тюремные имамы могут одновременно выполнять роли духовных наставников, социальных работников и экспертов по терроризму. Их основная роль и обязанность – заботиться о духовных потребностях заключенных и обеспечивать предоставление адекватных религиозных услуг – они не являются заменой услуг, которые могут и должны предоставляться тюремной службой [7].

Относительно новым явлением в зарубежной пенитенциарной системе является создание программ де-радикализации заключенных, направленных на предоставление воинствующим джихадистам возможности оказаться от насильственных путей изменения общества и борьбы с несправедливостью. Термин «де-радикализация» описывает процесс, в результате которого отдельные лица (или группы) прекращают свое участие в организованном насилии и/или терроризме. Кроме того, многие авторы различают коллективную и индивидуальную де-радикализацию в зависимости от того, возглавляется ли этот процесс отдельными лицами, или направлен ли он на них или на целые группы [9].

В ряде случаев лидеры террористических групп использовали свой статус и влияние как «живых мучеников», чтобы проводить коллективные процессы де-радикализации, которые при-

вели к объявлению постоянного прекращения огня и роспуску вооруженных групп. Однако такие случаи редки, и условия, при которых они могут произойти, ограничены. В идеале, коллективное разъединение и де-радикализация требуют, чтобы большая часть группы, включая ее руководство, была заключена в тюрьму, а структуры командования и управления оставались в значительной степени нетронутыми.

Египетская исламская группа (ИГ) является наиболее известным примером коллективной де-радикализации на основе тюремного заключения. В 2002 году лидеры ИГ – сами находившиеся в заключении – совершили поездку по тюремным учреждениям страны, проведя обсуждения сначала с командирами среднего звена, а затем – с рядовыми членами группы, призывая их отказаться от насильственных способов достижения поставленных целей. В то же время египетское правительство поддержало инициативу коллективной де-радикализации, предложив заключенным смягченный тюремный режим (лучшее питание, больше посещений, лучшие возможности для общения с другими заключенными и т. д.) и досрочное освобождение для тех, кто присоединился к программе. В итоге почти 15 000 заключенных ИГ согласились следовать новому курсу в 2002 году, а к 2006 году 13 000 из них были освобождены и теперь получают «пенсии» при прямой поддержке правительства [7, с. 42-44].

Программы индивидуальной де-радикализации различны и зависят от местного контекста и условий. Тем не менее, были выявлены некоторые ключевые компоненты, включающие сочетание тюремных программ, состоящих в основном из религиозного перевоспитания и профессиональной подготовки; привлечение заслуживающих доверия собеседников (психологов или священнослужителей), способных понять личные, религиозные и психологические потребности заключенных; последовательные усилия по содействию переходу заключенных в социальные сети, свободные от экстремизма; формирование долгосрочных обязательств перед семьей, обществом и государством, направленных на снижение возможностей для повторного совершения преступлений; увеличение социальных и материальных издержек, связанных с этим и др.

Как отметили Торе Бьёрго и Джон Хорган, все индивидуальные программы направлены на устранение причин, по которым у людей могли возникнуть сомнения относительно своего участия в террористических группах, включая, например, разочарование в целях группы, ее методах, лидерах, социальных отношениях, собственном статусе внутри группы и давлении, связанном с подпольной деятельностью [10].

В зарубежной пенитенциарной системе существуют формальные программы и устоявшиеся практики индивидуальной де-радикализации и противодействия формированию террористических устремлений, направленные на сокращение числа активных террористов в данном обществе путем оказания помощи отдельным заключенным-террористам и облегчение их реинтеграции в основное общество.

Саудовская программа индивидуальной де-радикализации заключенных является наиболее известной и долгосрочной. Пользующиеся большим авторитетом саудовские священнослужители посещали заключенных-террористов в тюрьмах Гуантанамо и Ирака и убедительно оспаривали их взгляды в тех случаях, когда они не совпадали с подлинными учениями ислама. Эти священнослужители часто могли выиграть эти дебаты и склонить их к более умеренной позиции, отказавшись от поддержки терроризма. Саудовская Аравия также поощряет процесс де-радикализации заключенных-террористов, организуя браки для одиноких заключенных из неблагополучных семей; предлагая заключенным-террористам после их освобождения предоставление новых автомобилей и работы для того, чтобы помочь бывшим заключенным обустроиться и создать семью; оказывая финансовую поддержку семей женатых заключенных-террористов. Это дает возможность внимательно следить за освобожденными заключенными, чтобы гарантировать, что они не возобновят свою экстремистскую деятельность. Важно отметить, что саудовская программа также включает приглашение специалистов в области психиатрии и психологии для оценки заключенных на протяжении всей программы де-радикализации, а также такие компоненты реабилитации как арт-терапия, религиозные лекции и др. [11]. Члены семей саудовских заключенных также участвуют в процессе де-радикализации – бывший заключенный и глава его семьи должны подписать клятву отказа от экстремизма [12].

Аналогичные инициативы реализуются в Египте, Сингапуре, Ираке, Ливии, Йемене, Иордании, Малайзии, Великобритании, Нидерландах и Индонезии. Программа Сингапура, однако, считается самой успешной и является моделью, на которой остальные основаны отдаленно. Инициатива началась на фоне растущей угрозы внутренней безопасности со стороны Джемаа Исламия (крыла «Аль-Каиды» в Юго-Восточной Азии) в 2002 году, после того как добровольные имамы решили подавить вербовку в группу. Сингапурская программа включает в себя такие стимулы, как предоставление финансовой поддержки женам и

семьям заключенных; предоставление женам работы, пока заключенный находится в тюрьме; обеспечение занятости заключенных после освобождения; доступ к библиотеке и академическим курсам; возможность продолжать еженедельные встречи с тюремными священнослужителями в течение года после освобождения, что должно гарантировать, что они не вернуться к каким-либо воинствующим джихадистским идеям. Сингапурская программа также заявляет об огромном успехе: тридцать два из пятидесяти пяти заключенных-террористов были освобождены после прохождения программы де-радикализации [12].

Великобритания начала свою программу по борьбе с воинствующими джихадистскими идеологиями в тюрьмах в 2005–2006 годах. В настоящее время программа в Великобритании сосредоточена на новообращенных в ислам, которые поддерживали воинствующие джихадистские идеологии. Эти заключенные встречаются индивидуально с тюремными имамами, которые расспрашивают их об их убеждениях и представляют им методы критического анализа, основанные на салафитской философии, для оценки подлинности исламских учений и того, соответствуют ли они Корану и проверенным учениям сподвижников пророков. Имамы британской программы признают, что во всех случаях они способны выявлять психосоциальные факторы возможной радикализации заключенных для направления их на оказание государственной социальной и психологической помощи. Британская программа полностью добровольная, и, в основном, функционирует как индивидуальное религиозное консультирование/наставничество, но также включает в себя проповеди и групповые дискуссии, где это уместно. Кроме того, Великобритания, как страна с мусульманским меньшинством, пришла к пониманию того, что случаи дискриминации подпитывают экстремистский нарратив и включила обучение расовому и/или религиозному равенству в программу борьбы с радикализацией заключенных [13].

В 2006 году Министерство обороны США по инициативе генерала Гарнера взяло на себя обязательство изучить существующие программы де-радикализации в тюрьмах и разработать модель для использования с более чем 20 000 заключенными в Ираке, находящимися под стражей по соображениям безопасности. Американская программа была разработана при участии британских имамов, участвовавших в проекте Скотланд-Ярда, и прошла пилотное тестирование летом 2007 года [11]. Американская программа де-радикализации заключенных основана на сочетании института мусульманских имамов с психологическим консультированием заключен-

ных, чтобы побудить их перейти от принятия насилия к принятию ненасильственной позиции. Эта добровольная программа включает экономический и образовательный компонент, разработанный военными для повышения уровня грамотности задержанных (на арабском языке) и обучения их полезным навыкам для трудоустройства после освобождения, а также мотивирует заключенных возможностью ускоренного освобождения из-под стражи и амнистией.

Отличительной чертой американской программы де-радикализации заключенных является то, что она была разработана для трех групп тюремного населения: особо опасных, «умеренных» и несовершеннолетних заключенных. Так, например, программа для 800 несовершеннолетних заключенных включала продолжение их образования, а также психологическое и религиозное консультирование для решения проблем, связанных с психосоциальными потребностями, формированием чувства идентичности и определением целей на будущее. Программа для особо опасных заключенных была похожа на программу для несовершеннолетних, но также имела некоторые отличия: религиозное консультирование касалось тем, связанных с воинствующим джихадом и радикальными исламистскими учениями, а психологическая помощь была направлена на предоставление воинствующим джихадистам возможности рассмотреть альтернативные ненасильственные пути изменения общества и борьбы с несправедливостью. «Умеренным» заключенным была предоставлена более короткая программа, посвященная исламским ценностям и включающая психологическое консультирование для формирования чувства идентичности и самодостаточности, исключающего приверженность насилию. Первоначальные результаты были очень многообещающими: через девять месяцев после начала программы было освобождено 6000 задержанных, хотя большинство из них не были «закоренелыми преступниками» и представляли собой низкий уровень риска для безопасности [11].

Общим элементом всех этих программ индивидуальной де-радикализации является то, что они основаны на отношениях, выстроенных с заключенным, часто с помощью священнослужителя, психолога или имама, специально приглашенного для этой цели и обладающего личным авторитетом зрелостью и высокой квалификацией.

Наконец, хорошая программа может оказаться неэффективной, если тюремные власти не поддерживают ее, а сотрудники проявляют неуважение или жестокость к заключенным. Приоритетом является обучение и повышение квалификации персонала, работающего непосредственно с

заключенными, что затруднит использование тюремной среды террористами и их внешними сторонниками в пропагандистских целях, включая, например, обвинения в дискриминации и жестоком обращении.

Процесс де-радикализации заключенных-террористов не обязательно требует формализованной программы, но может состоять из «мягких» вмешательств, таких как противодействие экстремистской идеологии путем приглашения экспертов, которые могут обсуждать актуальные вопросы и представлять альтернативные точки зрения, или предоставление большего количества образовательных или профессиональных возможностей.

Очевидно, нельзя не признать справедливость утверждения Дж. Брендона о том, что тюремной службе, и значительной части правительства в целом, необходимо выйти за рамки своей нынешней оборонительной позиции и привычки искать быстрые решения и вместо этого принять надежные долгосрочные стратегии, которые обеспечат постоянные решения проблем, создаваемых экстремизмом и исламизмом в тюрьмах [6, с. 106].

Подводя итог, следует признать, что ни одна из рассмотренных в данной статье зарубежных программ де-радикализации заключенных не является идеальной. Тем не менее, некоторые из их основополагающих принципов могут быть актуальными и применимыми в других странах, включая Россию. Что еще более важно, они демонстрируют, что тюрьмы могут внести позитивный вклад в решение проблем радикализации и терроризма в обществе в целом.

Список литературы:

- [1] Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // *Global Change, Peace & Security*. 2010. Vol. 22, N 1. P. 33-51.
- [2] Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In: J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). – *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138 – 153.
- [3] Kushner H.W. *Holy War on the Home Front*. – New York: Sentinel, 2004. – 229 pp.
- [4] Cuthbertson I.M. Prisons and the Education of Terrorists. – *World Policy Journal*, Vol. 21, N 3, 2004, pp. 15 – 22.
- [5] *Out of the Shadows: Getting Ahead of Prisoner Radicalization*. – A Special Report by The George Washington University Homeland Security Policy Institute and the University of Virginia Critical

Incident Analysis Group, September, 2006. // https://med.virginia.edu/ciag/wp-content/uploads/sites/313/2015/12/out_of_the_shadows.pdf.

[6] Brandon J. Unlocking Al-Qaeda: Islamist Extremism in British Prisons. – London: Quilliam Foundation, 2009, 136 pp.

[7] Neumann P.R. Prisons and Terrorism. Radicalization and De-radicalization in 15 Countries. – London, ICSR, 2010, 68 pp.

[8] Neumann P.R., Brooke R. Recruitment and Mobilization for the Islamist Militant Movement in Europe. – European Commission, Directorate General for Justice, 2007, 35 pp.

[9] Ashour O. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements. – London: Routledge, 2009, 224 pp.

[10] Bjorgo T., Horgan J. (eds). Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement. – London: Routledge, 2009, 308 pp.

[11] Speckhard A. Prison and Community Based Disengagement and De-Radicalization Programs for Extremists Involved in Militant Jihad Terrorism, Ideologies and Activities. – Studies in Conflict and Terrorism. 2010. – 20 pp.

[12] Mohammad, S. To Deprogram a Jihadist. Macleans.CA., 2009. // <https://macleans.ca/news/world/to-deprogram-a-jihadist/>.

[13] Beckford J.A., Joly D., Khosrokhavar F. Muslims in Prison: Challenge and Change in Britain and France. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

References:

[1] Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // Global Change, Peace & Security. 2010. Vol. 22, N 1. P. 33-51.

[2] Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In: J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). – Cross-Cultural

Dialogue as a Conflict Management Strategy. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138 – 153.

[3] Kushner H.W. Holy War on the Home Front. – New York: Sentinel, 2004. – 229 pp.

[4] Cuthbertson I.M. Prisons and the Education of Terrorists. – World Policy Journal, Vol. 21, N 3, 2004, pp. 15 – 22.

[5] Out of the Shadows: Getting Ahead of Prisoner Radicalization. – A Special Report by The George Washington University Homeland Security Policy Institute and the University of Virginia Critical Incident Analysis Group, September, 2006. // https://med.virginia.edu/ciag/wp-content/uploads/sites/313/2015/12/out_of_the_shadows.pdf.

[6] Brandon J. Unlocking Al-Qaeda: Islamist Extremism in British Prisons. – London: Quilliam Foundation, 2009, 136 pp.

[7] Neumann P.R. Prisons and Terrorism. Radicalization and De-radicalization in 15 Countries. – London, ICSR, 2010, 68 pp.

[8] Neumann P.R., Brooke R. Recruitment and Mobilization for the Islamist Militant Movement in Europe. – European Commission, Directorate General for Justice, 2007, 35 pp.

[9] Ashour O. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements. – London: Routledge, 2009, 224 pp.

[10] Bjorgo T., Horgan J. (eds). Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement. – London: Routledge, 2009, 308 pp.

[11] Speckhard A. Prison and Community Based Disengagement and De-Radicalization Programs for Extremists Involved in Militant Jihad Terrorism, Ideologies and Activities. – Studies in Conflict and Terrorism. 2010. – 20 pp.

[12] Mohammad, S. To Deprogram a Jihadist. Macleans.CA., 2009. // <https://macleans.ca/news/world/to-deprogram-a-jihadist/>.

[13] Beckford J.A., Joly D., Khosrokhavar F. Muslims in Prison: Challenge and Change in Britain and France. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

